

Автор: Алексейчик А. (Литва)

Когда я получил такое предложение — написать статью «Иван Ильин в моей психотерапии» (к переносу праха Ивана Ильина в Россию), для меня было, по одной из основных тем Ивана Александровича, очевидно, что отказаться от такого предложения я не смогу. Слишком многим я обязан и этим двум русским людям, и многим другим эмигрантам, чтобы не выразить хоть таким образом им свою благодарность.

Вильна, конечно, не идет ни в какое сравнение с такими центрами эмиграции, как Париж, Берлин, Прага, Белград, Рига, но эмигрантской литературы 20–80 х годов в нашем городе было немало... И Деникина, Бердяева, Ильина, Франка, Степуна я прочитал довольно рано: в 60–70 годы...

Первое впечатление, конечно, было — знаменитое гипиусовско-мережковское: мы — не в изгнании, мы — в послании. Что, конечно, тоже легло на душу и отразилось в моей психотерапевтической работе: и я — в послании... Я читаю, переживаю то, что недоступно моим находящимся в своей малой и большой «гражданской войне» пациентам.

Конечно, я не идеализировал эмигрантов: они проиграли войну, ушли «под защиту чуждых крыл»... Оставили нас... Но вот отдельные личности вставали передо мной в нетипичной для привычной советской действительности искренности, истинности.

Антон Иванович Деникин — личность без страха и упрека. Без страха и упрека народу, его, их, русских офицеров, не поддержавшему...

Иван Александрович Ильин — личность без гнева и упрека. Без гнева и упрека народу, выбравшему, прельстившемуся, предпочетшему мнимое — действительному, оче-видному...

Благодаря А.И. офицерство перестало казаться малоинтеллигентным и маловоинственным... Пожалуй — наоборот...

Благодаря И.А. интеллигенция перестала представляться слишком интеллигентной и бессильной. Скорее — наоборот... Русское духовенство... Русский народ... Не без упрека, не без гнева, не без страха, но и не без души, не без духа, которым могут позавидовать в XX веке более благополучные народы...

Но почему же они «проиграли» все войны в XX веке? И русско-японскую, и I мировую, и гражданскую, и II мировую (по окончательному результату), и холодную, и чеченскую?

И малые гражданские войны?

И экономические? И семейные? И демографические?

Кто виноват? Интеллигенция? Офицерство? Предприниматели? Рабочие?

Крестьяне?

Мои деды?

Мои родители?

Я сам?

А.И. Деникин, И.А. Ильин, когда их читаешь, когда с ними общаешься, оче-видно не про-изводят впечатления проигравших свои войны...

Труд их очевиден... Даже страда.

Но — не поражение.

И я вместе с ними, в мои пациенты, читая И.А., своих войн не проигрывают...

Но война продолжается. Но как нередко она выигрывается в душе и духе. Исцеляются наша душа и дух... Благодаря этой вечной войне...

И когда «войны» «выигрывались» (1917, 1921–24, 1939–40, 1944–48, 1989–95 гг.) и «все по отдельности» и «все вместе» оказывались в душевном, духовном, а потом и материальном провале.

Как проигрывает невротик, выигравший за счет своего невроза, но с этим численным превосходством (я со своими невротическими комплексами) победивший свой разум и своих близких...

Как проигрывает психотик, победивший за счет своего психоза (бред преследования очень помогает при беге на длинные дистанции), но «оторвавшийся» от своего собственного рассудка (способности здраво рассуждать), оторвавшийся от своей души, «эмигрировавший» в мнимый мир, мир мнений, где нет пределов, нет о-пределенности, где «все позволено»...

Тема — неисчерпаемая... Но в практике не-об-ходимо себя и своих пациентов ограничивать, полагать пределы.

И чаще всего я выбираю для себя и для моих больных в соратники в ратном труде во всевозможных, вечных «гражданских войнах» Ивана Александровича Ильина. Хотя для военных часто больше со-ответствует Антон Иванович Деникин. Для философски настроенных пациентов — Николай Александрович Бердяев. Для религиозных — Дмитрий Сергеевич Мережковский...

Иван Александрович — не-обо-зримо широк. Но в этой широте не теряешься — наоборот, легко осваиваешься, находишь себя, свое... И.А. Ильин — целен, целебен.

Он — историк, философ, политик, психолог, теолог, культуролог, литератор... воюющего века, наполненного болью мира. Он сам наполнен этой болью, этой войной, болезненностью. Но он хорошо это чувствует...

Есть такая народная мудрость: свое добро рук не тянет. Он всю эту боль, болезненность хорошо у-своил. Сделал их своими. И как свои — хорошо чувствует. И с ними хорошо себя чувствует... И не только потому, что боль о-бращает нас к о-бережению больного, но и мобилизует в нас здоровое, доброе, еще неповрежденное, целое. Он добро-душен. Добр душой. Даже — когда воинственен. Он сражается, разит не для победы, а для мира. И нас учит этому. Учит нас в этом мире, с самим собой хорошо себя чувствовать, Особенно, когда нам трудно вообще и себя и мир «чуть», чувствовать. Когда нами и не нами мир «отчужден», «приватизирован», «национализирован», «глобализирован», обездушен, разодухотворен... Когда мир противо-стоит. Когда он — без меня неполон, нецелен.

Тогда «Я» человека, объединяющее в целое бесчисленные душевные процессы, поддержанное душой, а душа, поддержанная духом, могут стать целостнее, добрее «мира», центром кристаллизации доброго мира, началом внутреннего и внешнего исцеления.

Итак — широта и цельность. Множество целительных представлений о нашем больном внутреннем и внешнем мире. Если бы я писал монографию «Иван Ильин — душевный целитель нашего времени», я из двадцати томов его сочинений выбрал бы не менее пятидесяти «размышлений» и «упований», «тихих созерцаний» и «очевидностей». И привел бы их целиком как маленькие поэмы. С очень небольшими комментариями для практического употребления. Текст мастера и комментариев подмастерья. Но благодарность требует краткости. Надеюсь ее выразить своим выбором, трудным выбором всего нескольких текстов. И еще более трудным выбором из текстов.

О ЛИЧНОЙ И ОБЩЕЙ ЖИЗНИ. Об истинной жизни и пустой.

«...Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал — надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чем-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, про-думать и у-своить. Значит — что-то значительное о чем-то важном и драгоценном. И вот он начал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова... долго, годами, иногда — всю жизнь... Ищет сразу и правды, и красоты, и точности... видение своего сердца... Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств, целое здание духа, которое дается... прикровенно, как бы при помощи шифра...»

И когда человек по-настоящему постигает, достигает важное, драгоценное, что пре-ображает его, он учится это неоднократно воспроизводить для себя. А затем воспроизводить, и не только в словах, для другого... И только когда другой способен к такому вос-созданию, к ясно-виденью и пре-ображению, только тогда жизнь делается

явной, действенной, действительной, настоящей, не рассудочной, основанной на мимолетных мнениях, не мнимой, не пустой.

Только тогда возможна истинная со-в-местность, со-временность, со-общность, со-дружество, про-зрачность, про-никновенность, про-нзительность... (Я вглядываюсь в жизнь *(Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 91–92. М.: Русская книга, 1994. Разрядка и пропуски мои. — А.А.)*

О СМЕРТИ.

«...У меня всегда было такое ощущение, что в смерти есть нечто благостное, прощающее и исцеляющее. И вот почему.

Стоит мне только подумать о том, что вот эта моя земная особа, во всех отношениях несовершенная, наследственно обремененная, вечно болезненная, в сущности не удававшаяся ни природе, ни родителям — сделалась бы бессмертной, и меня охватывает подлинный ужас... Какая жалкая картина: самодовольная ограниченность, которая собирается не умирать, а заполнить собою все времена...

...Око смерти глядит просто и строго; и не все в жизни выдерживает ее пристальный взгляд. Все, что пошло, тотчас же обнаруживает свое ничтожество, наподобие того, как листы бумаги, охваченные огнем, вдруг вспыхивают ярким пламенем и сейчас же чернеют, распадаются и истлевают в пепел. Так что в последствии даже не верится, что этот прах и тлен мог представляться важным и ценным. Но зато все истинно ценное, значительное в священное утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своем истинном сиянии и величии...

Бывают в человеческой жизни такие дни и минуты, когда человек внезапно видит смерть перед собой. Ужасные минуты. Благословенные дни. Тогда смерть, как некий Божий посол, судит нашу жизнь... И все, что в ней было верного и благого, все, чем на самом деле стоит жить — все утверждается как подлинная реальность, все возносится в сиянии; а все, что было мелко, ложно и пошло, — все сокрушается и посрамляется. И тогда человек прокликает всю эту ложь и пошлость и судит себя, как растратчика сил и глупого мота. Зато — как он радуется всему верному и подлинному, и сам не понимает, как это он мог жить доселе чем-нибудь иным...

А когда опасность смерти проносится и вновь наступает тишина и спокойствие, тогда человек видит, что вся его жизнь была как бы разобрана и провеяна, и делает один из значительнейших выводов в своей жизни: не все, чем мы живем, стоит того, чтобы мы отдавали ему свою жизнь. Только те жизненные содержания и акты полноценны, которые не боятся смерти и ее приближения, которые могут оправдаться и утвердиться вред ее лицом. Все, что стоит нашего выбора и предпочтения, нашей любви и служения даже и в предсмертный час, — все прекрасно и достойно. За что можно и должно отдать жизнь, то и надо любить, тому и надо служить. Жизнь стоит только

тем, за что стоит бороться насмерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни (Разрядка моя. — А.А.). Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судия...

Смерть не только благостна, она не только выручает нас из земной юдоли и снимает с нас непомерность мирового бремени. Она не только дарует нам жизненную форму и требует от нас художественного завершения. Она есть еще некая таинственная, от Бога нам данная «мера всех вещей» или всех человеческих дел. Она нужна нам не только как узоразрешительница или как великая дверь для последнего ухода; она нужна нам прежде всего в самой жизни и для самой жизни. Ее облачная тень дается нам не для того, чтобы лишить нас света и радости или чтобы погасить в нашей душе охоту жить и вкус жизни. Напротив, смерть воспитывает в нас этот вкус к жизни, сосредотачивая и облагораживая его; она учит нас не терять времени, хотеть лучшего, выбирать из всего одно прекрасное... Тень смерти учит нас жить светом... Ее приближение делает наши слабые, близорукие глаза — зрячими и дальнорукими...»

(Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 336–340. М.: Русская книга, 1994)

БОЛЕЗНЬ.

«Сначала установи, действительно ли это болезнь! Жизнь нелегка, часто довольно мучительна, возможно даже безрадостна; а наше подсознательное подобно ребенку, подобно женщине, подобно плуту: оно способно подражать любой болезни, убегать в «болезнь», играть роль «больного». Подобное невротическое состояние, несомненно, само является «болезнью», но это совсем иная болезнь: ее можно исцелить искренностью и пониманием.

Если же это действительно болезнь, — никогда не ворчи, всегда прислушивайся! Она как посетитель: что он хочет от меня? Она как путешествие: куда же я попал? Она как друг, который хочет предостеречь меня: берегись, здесь ты сделал в жизни ошибку, здесь с тобою может случиться нечто серьезное.

Благодарю тебя за предостережение, дорогой друг, за то, что посещаешь меня и побуждаешь к этому путешествию. «Кто хочет путешествовать, должен уметь молчать». Так что смотри и слушай! Оба — инстинкт и дух — должны дать знать о себе... Инстинкт должен излечить тело; дух — исцелить душу... Инстинкт исцеляет тело. То есть: любое лечение есть самолечение. Эту таинственную работу не могут заменить ни врач, ни лекарства. Они могут только помочь, поддержать, ободрить. Этот метод исцеления... действует так, что не набрасывается на симптомы немедленно, чтобы их устранить; ведь они целесообразны, служат исцелению и исчезают в свое время. Инстинктивное самоисцеление и есть восстановление. Больной и врач должны самым внимательным, самым желанным образом идти навстречу этому восстановлению. Что идет ему на пользу? Отдых, покой, накопление сил, питание, воздух, тепло, хорошее настроение. И только потом остальное...

А дух исцеляет душу. И здесь — исцеление есть самоисцеление; только не «снизу», а «сверху».

...

... Тогда-то и начинается самое главное.

Что существенного она должна мне сказать? О моей жизни: что я не сумел хорошо ее устроить; что я не ценю здоровье как дар Божий; что я сам должен расплачиваться за свою вину в том, что заболел; что здоровье уже само по себе — счастье и радость. Вообще о жизни: что она полна прекрасного, мимо которого я до сих пор слепо и равнодушно пробегал; что она предоставляет бесчисленные возможности для любви, добра, самопожертвования и подвига, которым я, непонятно почему, дал пронестись мимо; что время спешит и земной эпизод моей жизни отмерен; что я бездумно жил до сих пор, растрачивая великолепнейшие дары и что завтра, да, уже завтра, начну новую жизнь. Затем еще о страданиях: что их нужно принимать как должное, что человечество непрестанно страдает и что предназначение страдания — дать понять человеку законы творения и волю Создателя, что вообще человек через страдания приходит к отрезвлению, просветлению, к совершенствованию; что самое важное в жизни — обрести через каждое страдание частицу истинной веры и истинной мудрости.

И что дальше? Болезнь стала восстановлением, отдыхом, просветлением в жизни! А теперь вот и исцеление. Нужны ли еще утешения?»

(Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 104–106. М.: Русская книга, 1994)

«...Современность больна коммунизмом...

Коммунист — мастер разъединения и восстановления всех друг против друга на этом свете; он понимает в теории центробежные силы души индивидуума и души масс, и он умеет на практике разнуздать и разжечь эти силы... умеет обратить их в неистовство и безудержность... зависть и ненависть, накапливающиеся в душе человека, всю жизнь терпящего лишения; и в дополнение — искусство разложения и устранения духовного принципа в человеке. И это немало. Этого хватает, чтобы... тем не менее, повсюду денно и ночью идет опаснейшая и ужаснейшая война. Эта война есть гражданская война...

...Они не имеют ни малейшего представления о том, как будет выглядеть этот новый, с такой страстью провозглашаемый и прославляемый ими строй и во что он выльется. Они совершенно упускают из виду глубокую и таинственную силу творческого инстинкта человека; все, что ни воспринимают и с чем работают, становится при их прикосновении плоским, примитивным, механическим и мертвым; в их саду увядают все цветы жизни; от их взора ускользают все глубины внешнего и внутреннего мира; и особенно сильно развито в них отсутствие понимания тех духовных и благородных инстинктов, которые свойственны отдельному человеку и всему человеческому обществу... все их мировоззрение вовсе не замечает реальной ценности мира и практически минует ее...»

«Можно ли вылечить...? Да... Двумя способами: отрицательным и положительным...

... Положительным — когда человечество будет творчески созидать новый социальный строй, при котором живое братство устранил ошибки злоупотребления свобод и при котором живая справедливость исправит ошибки преувеличенного неравенства...»

(Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 8, 15, 16. М.: Русская книга, 1998)

Это написано 70 лет тому назад.

Гражданская война продолжается и вне человека и в его душе.

Не то ли самое мы можем сегодня сказать о «диком капитализме», «варварском либерализме», «фундаментализме», «монетаризме», расизме, национализме...

О ПРИЗВАНИИ ВРАЧА. (Мой врач)

«... У меня порой бывает чувство, что я действительно мог бы кое-что сказать по существу о лечебной практике... Труд врача есть не столько заработок, сколько служение; не столько обобщающее, сколько индивидуализирующее лечение; не столько конструктивная, сколько созерцающая диагностика... Врач клянется верой и правдой помогать страждущему. Но о самом главном вслух не говорится; оно предполагается и ясно без слов; и это главное — любовь... Труд врача — это служение любви в отношении страдающего. Если этого нет, нет самого существенного; тогда все вырождается и практика превращается в абстрактное «подведение» больного под столь же абстрактное понятие заболевания и лекарства...»

Я не могу помочь так, как надо человеку, который мне неприятен. Это неприятие я должен в себе перебороть. Мне надо не просто подойти к моему пациенту — мне надо войти в него... Мне надо как бы взять его за руку и вызвать в нем творческий подъем. Если я добился этого, если мне это удалось — значит, я полюбил его. Не удалось — значит, лечение было в корне неверным. Исцеление — это взаимодействие врача и больного. Надо, чтобы возникло некое целебное «мы». А это предполагает обоюдную симпатию... Нелюбящий врач — это рецептурный автомат...

Для каждого больного я должен создать в себе воображаемую, но точно соответствующую ему... живую картину-образ... Хороший врач должен быть как бы художником своего пациента; значит, мы, врачи, должны постоянно работать над совершенствованием своего восприятия. Нам задано вчувствование, и при том вчувствование созерцающее, которого не заменит и никогда не вытеснит абстрактное мышление...

Истинная терапия не просто пытается устранить симптомы, а побуждает организм самостоятельно преодолеть и исключить эти симптомы навсегда... Дело в том, чтобы

наметить такой образ жизни для данного больного, чтобы он был в радость ему...

Есть поговорка: «Подбирай не Сеньку по шапке, а шапку по Сеньке». Применима она и к лекарствам, и к самому больному. Нет панацеи на все случаи жизни, нет всеисцеляющих «инъекций». Кажется нелепостью, когда врач какое-нибудь новое средство или новый образ жизни (разрядка моя. — А.А.) навязывает всем без разбора пациентам, экспериментируя, внушая, победно торжествуя... Такие врачи всегда были и есть. Такой врач «любит» тех из своих жертв, которым его лекарство «помогает», то есть которые дают пищу его тщеславию; и холоден, если не сказать враждебен, к тем, кому его мнимая панацея не помогает.

Тем самым я никоим образом не отказываюсь ни от лабораторий... ни от разного рода измерений и калькуляций. Я хочу только сказать, что все эти арифметические и механистические выкладки имеют в нашей практике определенное значение лишь как азбука в тексте терапии, т.е. как естественнонаучные азы диагноза, но не сам диагноз. Диагноз — это живое, художественно-любственное созерцание страждущего брата, а терапия — это дифференцированно-исследовательский подход к восстановлению утраченного равновесия организма.

Однако это не все. Горе тому из нас, кто упускает из виду, кто не принимает в расчет духовную проблематику пациента. Врач и пациент — это духовные величины, имеющие обоюдную причастность к судьбе страдающего... Есть болезнь пренебрежения телом — отсюда его истощение; есть болезнь пренебрежения духом — отсюда его немощность... Нельзя лечить тело без учета духа, но дух зачастую и слышать не желает о том, чтобы им занимались. Поэтому всем нам надо проникаться тонкостями исцеления духа, всегда иметь при себе как бы «очки наблюдения» невропатолога...»

(Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 492–498. М.: Русская книга, 1998)

Трудно удержаться от сожаления, что среди тридцати тысяч людей разных профессий так мало профессионалов, склонных хотя бы в некоторой степени так целебно, так по человечески относиться к своей профессии и своим клиентам.

В первую очередь это касается всех «слуг народа», борцов за народное дело...

И наконец, последняя из представляемых мной «очевидностей» И. Ильина, без которого не представляю себе моего представления нашего великого соотечественника.

О ЖЕНЩИНЕ.

«Все в этом мире носит в себе свою сокровенную сущность и предназначение, оставаясь верным им. Камень, растение, зверь могут быть только тем, что они есть: они существуют только в том виде, какой задан им природой; они — дети «необходимости», ездоки с односторонним движением... Но человек может быть и другим; он не просто управляемый, но еще и управляющий; он создатель своей собственной судьбы. Это —

дитя «свободы», его движение по жизни идет в разных направлениях. Он тоже несет в себе свою сокровенную сущность и призван хранить ей верность. Кабы только он так поступал!.. Кабы знал, куда эта верность зовет и что ему обещает... Как быстро попал бы он туда — в царство счастья и мудрости!

Для женщины ни счастья, ни мудрости нет, если она не хранит верность сокровенной сути своей. Тогда ее дивная сущность не выказывает мудрость свою и сжимается от горя и несчастья.

Прежде всего женщина — это цветок, дитя и ангел.

Всякая женщина — это потенция, но не всякая — актуальность. Эти формы как бы дремлют в глубинах женской сущности и посылают свет изнутри. В жизни любой женщины бывают мгновения, когда одна из этих форм просыпается, выступает на первый план и начинает выказывать себя; тогда женщина — настоящий цветок, или само дитя, или совершенный ангел. Все дивится ей и с радостью внемлет. Бывают женщины, у которых проявляется или одна только форма, или обе сразу: одна остается цветком, другая несет в себе дитя, а в третьей и дитя и ангел одновременно, а для цветка места нет... Беда начинается тогда, когда все три формы в женщине отмирают, так что она и не живет в них. Вот это действительно незадача: только плотью она еще женщина, душевно же она бесплотна, духовно мертва. То есть она как бы не женщина, но и мужчиной ей стать не дано. Все остальное, что еще делает ее женщиной, что еще и можно, и должно сделать — вдохновительница любви, супруга, мать, хранительница очага, воспитательница, повелительница, спутница жизни, — даже при самых лучших намерениях остается ей не по силам, потому что эфирная плоть ее женской сущности захирела и стала бесплотной.

Женщина... прежде всего цветок. Ее призвание — нежность и красота. Нежно ее восприятие; нежна ее природная тайна, которую она в себе воплощает; нежна ее фигура... Нежность обязывает ее быть красивой. Красивой может быть даже самая некрасивая из женщин... внутренняя красота светится через незадавшуюся внешность, поет и излучает счастье; тогда с радостью замечают красавицу в особо непримечательном лице...

И ни один цветок не гонит свое соцветие выше того, что положено ему. Ни один не хочет иметь больше того, что задано ему; ни один не пытается самоуправно исправить в себе свою природу или самовольно подчеркнуть свою красоту; нет в них ни тщеславия, ни властолюбия, ни зависти. Вот почему всякая жаждущая блеска, охочая до румян, тщеславная, деспотичная, завистливая женщина неверна цветку в себе и прегрешает тем самым против воли сокровенной сущности.

Любая женщина знает также о своем преимуществе быть ребенком и ребенком оставаться.

Женщина — это дитя, так как она живет чувствами; сердца ее добиться легко, ранить его — тоже. Она дитя, потому что во многом наивна и некритична... ее отношение к миру непосредственно и созерцательно. Вчувствование — это ее способ постижения... интуиция — способ мышления... Царство Божие всего ближе детям и женщинам...

Женщина может быть не только по-детски наивной, но и по-детски ребячливой, тогда она капризна, ненадежна, ветрена, безответственна, неосмотрительна, порой коварна и жестока. Тогда преимущество дитяти ей во вред и во зло; и с ней... придется хлебнуть немало горя...

Если женщина идет по жизни как цветок инстинкта и дитя духа... ей только и остается, что внять зову ангела-покровителя... Мы ведем речь не об образе-совершенстве, а о добром наставителе к лучшему...

...Своим постоянным советом, увещанием, предостережением и поддержкой женщина станет мужчине утешением и защитой разбудит в нем творческое вдохновение, будет постоянно поддерживать в нем огонь и свет.

Образ ангела-хранителя в жизни легко исказить. Есть немало женщин, которым сковать человека легко, но освободить его для творческого труда не дано: одни не желают этого, потому что не хотят отпускать от себя влюбленного «пажа»; другие неспособны на это потому, что не могут справиться со своими страстями. Есть... такие, которые свободу творца блокируют своей опекой; есть такие, которые не созданы для легкого вдохновения и потому своим бабьим властолюбием подавляют и губят в мужчине творческий потенциал — ведь дух предписаний не терпит...

Любая добрая женщина могла бы стать для своего возлюбленного ангелом-хранителем, как и любая достойная женщина. Она способна на это даже тогда, когда самой ей не очень-то в жизни везет; достаточно вспомнить образ несчастной добромудрой Сони у Достоевского в «Преступлении и наказании». Но волей и притязанием здесь добьешься немногого; для этого надо оставаться цветком инстинкта и дитем духа.

Три этих облика — цветок, дитя и ангел... Если она прислушивается к цветку в себе, тогда образ действий ее органично спокоен... если прислушивается к дитяти в себе — ее жизнь приобретает ясность, чистоту и глубину характера ребенка; если прислушивается

к голосу сокровенного ангела в себе — ее поведение несет на себе ангельский отпечаток, в ней появляется что-то провидческое...

Как никогда прежде нуждается сегодня мужская половина в услугах ангела-хранителя, чтобы снова обрести истинный путь...»

(Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 483–492. М.: Русская книга, 1994)

Итак, всего несколько тем: жизнь, смерть, болезнь, целитель, союзник, могущий быть себе и нам врагом... Мы — враждебные самим себе...

Но можем быть и с цветком, и с ребенком, и с ангелом...

Мы «прошли» по «гражданской войне». Нашей войне...

Надеюсь, — не к победе...

Но к миру.

Потому — что с таким со-отечественником.

О-битателем такого отечества, где и смерть, и болезнь служат вере, мудрости, жизни...

И в такой жизни войн не проигрывают